

Он вернулся не в кровать Гарри, а к Гермионе, прижав ее к одеялу, теперь его руки были на ней. "Позволь мне потерять себя в тебе", - простонал он, хватаясь за ее одежду, хватая ее, ища в ней все удовольствия, которые он мог найти, находя истину их близости и ложь, которую обещало просто забыть о жизни на мгновение и полностью отдаться Гермионе. Его агрессивные и нуждающиеся поцелуи оказались отчаянным толчком к чему-то голодному, отчаянному, дикому, настолько интенсивному и похотливому, насколько это вообще возможно.

"Мы так долго ждали", - стонала Гермиона, ее руки обхватили сильную грудь Гарри, голова кружилась и болела. Она так долго обходилась без него. Без этого. Однако время пришло, и Гермиона отчаянно хотела выпустить это наружу, охватить свою похоть и свои потребности так горячо, как только могла. "Гарри..." Она не знала, что еще сказать и как это сказать. Притянув его в еще один лихорадочный поцелуй, Гермиона стремилась лишь к тому, чтобы чувствовать его так полно и всецело, как только могла, жаждая его прикосновений и всего, что с ними связано. "Покажи мне всю свою любовь".

После многих лет кипящего напряжения и отчаяния, наконец, это свершилось. Когда они начинали, они были детьми. Пять лет спустя они были взрослыми. Готовыми. Они выросли, развились и стали другими, и больше не было причин притворяться, что взросление рядом друг с другом не обеспечило им постоянного наблюдения за развитием друг друга в режиме реального времени. Гермиона была первой влюбленностью Гарри, и эти чувства никогда не притуплялись и не становились спокойнее. Сейчас он жаждал Гермиону больше, чем когда-либо, и чувствовал, что готов открыться ей и позволить удовольствиям увлечь его, позволить ощущениям привести его к чистому принятию и блаженству, такому дикому и необыкновенному, какого он никогда не мог себе представить.

Руки ухватились за широкую грудь Гермионы через рубашку, ощущая ее пухлые груди, тело прижималось к ее пышным формам, вся ее фигура взывала к Гарри, умоляя и бросая вызов, умоляя его взять на себя ответственность, исследовать, приручить ее. Внутри Гарри накопилось столько отчаяния и агрессии, потребность, которая была только глубже и горячее, выраженная его желанием все отпустить, отказаться от разума и смысла ради абсолютной капитуляции, тлеющее желание и потребность сильно горели внутри него. Он ощупывал ее, стягивая одежду, позволяя чему-то более жгучему и голодному прорваться сквозь это удовольствие, позволяя ощущениям овладеть им, в которых он не был уверен, но знал, что они ему нужны.

Гермиона вздрогнула от неожиданности, почувствовав на себе руки Гарри, такие твердые, такие сильные, такие бесстыдные. Сильная и голодная потребность властно овладела ею, и она не боялась открыться ему, ее руки ласкали его тело, находя удовольствие и облегчение в теплых объятиях, когда она просто крепко обнимала его, прижимаясь к нему. "Есть одна сторона тебя, которая мне всегда была интересна", - стонала она. "И сейчас она словно умоляет выпустить ее на волю. Покажи мне, Гарри. Позволь наслаждению овладеть нами обоими". Гермиона дрожала от этой потребности, от желания и голода, которые казались слишком большими, чтобы с ними справиться. Она жаждала его, и ей хотелось узнать, что она упускает.

Это было приглашение дать себе волю. Не чувствовать себя виноватым в том, что он хотел сделать с Гермионой. Как он хотел ее. Его руки схватили ее тело более агрессивно, когда он стягивал с нее одежду, показывая немного больше свирепости и немного больше

неослабевающего жара. Это было все, что ему было нужно, и он почувствовал, как желание овладевает им сильнее, жестче, вызывая наслаждение, голодное и свирепое, как все, что он когда-либо мог себе представить. Удовольствие было там, наплыв яростного желания и жара, который ощущался как все, что он так долго ждал, чтобы выпустить наружу, а приглашение Гермiony только сильнее разжигало голод, вызывая яростные потребности и похоть, которые крепко завладели им.

Гермиона чувствовала, что должна уступить, должна согласиться и потакать, потянулась к его брюкам, стягивая их вниз и убирая с дороги, стремясь к удовольствию и охватывая все самые дикие желания и потребности, которые так крепко держали ее. Ее руки потянулись к его члену, взяли за него, и она почувствовала, что ошеломлена тем, что она задыхается, испуская горячий, дикий вздох чего-то пораженного, чего-то мощного и горячего, не готовая к тому наслаждению, которое ожидало ее, когда она брала его. "Гарри", - стонала она. Стон его имени - это все, на что она была способна, пока пальцы Гермiony шарили по его члену, пораженные и ошеломленные тем, что она чувствовала, размером его ствола, мыслью о том, чтобы позволить себе поддаться.

Переместившись на Гермionу, Гарри двигался яростно, готовый взять на себя ответственность и сделать все, что он чувствовал, чтобы сделать этот шаг, чтобы взять то, что принадлежит ему. Он оставил Гермionу обнаженной, ее широкая грудь предстала перед его жадным взглядом, когда он переместился на нее. Гермiona взялась за его член, чтобы направить его к своему входу, к уютному, скользкому отверстию, ждущему его прикосновений и отчаянно жаждущему чистого блаженства. Он переместился вперед и подтянул позу, крепче прижавшись к ее сиськам, захватил ее губы своими и с удовольствием скользнул в жаркие объятия киски, в которую он тут же начал толкаться. Гермiona помогла ему сделать первый рывок, но как только его голова прошла мимо мягких, пухлых губ, которые разошлись в нетерпении, приветствуя его прикосновения, Гарри был уже весь.

<http://erolate.com/book/3154/74547>